

процесс, Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий) показал, что ни бизнес, ни государственные регуляторы по всей видимости ещё не готовы к жёстким обязывающим стандартам на международном уровне. Зачастую бизнес вовлекается в механизмы регулирования социально ответственного поведения на условиях добровольности, и, тем самым, получает возможность эксплуатировать недоработки нормативных систем без существенного вреда для себя. Так, Глобальный Договор столкнулся с трудностями, проистекающими из механизма и идеологии функционирования инициативы. Добровольность участия, отсутствие адекватных инструментов для контроля за реальной деятельностью членов договора (участники предоставляют специальную отчётность, но ГД ООН не несёт ответственности за её содержание) породили большую волну критики данного проекта. Кимберлийский процесс, в свою очередь, позволил достичь ограниченных успехов в борьбе с продажей “кровавых” алмазов, но ряд уязвимостей процесса сертификации (например, отсутствие системы контроля за деятельностью законных правительств при добыче алмазов) сделали её во многом бесполезной. Вместе с тем в рамках реализации Руководящих принципов ОЭСР для многонациональных предприятий удалось успешно ввести ряд нормативных инноваций, которые позволяют в той или иной мере контролировать деятельность корпораций посредством системы Национальных контактных центров (НКЦ). В целом, продолжающаяся работа по развитию стандартов ответственного ведения бизнеса в рамках ключевых международных инициатив продолжается с высокой интенсивностью и вселяет определённый оптимизм.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00004

Трахтенберг А.Д. (Екатеринбург, Институт философии и права Уро РАН)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ТЕХНООПТИМИЗМА К ТЕХНОПЕССИМИЗМУ

Все усиливающиеся опасения утраты контроля над развитием информационных технологий, ярко проявившиеся во время эпидемии коронавируса, ускоряют переход от глобального технооптимизма, связывающего с массовым внедрением информационных технологий перспективы решения всех актуальных социальных проблем, к столь же глобальному технопессимизму, в рамках которого информационные технологии выступают как главная угроза будущему людей. Об этом, в частности, свидетельствует скачкообразный рост популярности маргинальных конспирологических теорий, связанных с цифровым надзором («жидкие микрочипы», вышки 5G, опасения, связанные с введением цифровых пропусков и др.).

В академической среде технопессимизм способствует разработке теорий «надзорного капитализма» (М. Андриевич, Т. Дэмс, Ш. Зубофф, Д. Лайон, Г. Маркс), включая концепции исследователей-немарксистов (В. Моско, Кр. Фукс). Для теоретиков «надзорного капитализма» государство отходит на задний план, поскольку основные надзорные функции перехватывают транснациональные IT-корпорации, занимающиеся сбором и обработкой больших данных.

С другой стороны, теоретики цифрового правительства продолжают удерживать позицию технооптимизма, на основе которой была в свое время сформулирована неолиберальная модель цифровой трансформации органов государственного управления. В повестке цифрового правительства искусственный интеллект, Интернет вещей, большие данные трактуются исключительно позитивно, как инструменты, обеспечивающие проактивное оказание государственных услуг и «подталкивание» (nudge) цифровых граждан в социально одобряемом направлении, причем и оказание услуг и «подталкивание» существуют принципиально вне сферы политического.

Одновременно в академическом сообществе (за исключением сообщества профессиональных синологов) активно циркулирует дистопическая модель «цифрового тоталитаризма», формирование которого в КНР считается свершившимся фактом (что весьма далеко от реальности). В рамках этой модели искусственный интеллект, Интернет вещей, большие данные превращаются в инструмент тотального политического контроля за поведением. «Цифровому тоталитаризму» пытаются противопоставить «цифровую демократию», где все эти опасные инструменты будут обезврежены, однако вопрос о том, как совмещаются цифровая демократия и цифровое правительство остается открытым. Более того, существуют и постоянно укрепляется тенденция искать в существующих демократиях (прежде всего в США) признаки цифрового тоталитаризма.

Таким образом, современные представления о цифровой трансформации государственного управления носят внутренне противоречивый характер. Однако во всех вариантах, как в оптимистическом, так и в пессимистическом, как в массовом, так и в академическом, для описания процессов трансформации используется риторика разрыва (*rupture talk*) с прошлым, привычным состоянием и перехода к качественно новому состоянию. Соответственно, государство либо сливается с обществом в единую сетевую структуру, либо превращается в тоталитарного монстра, подчиняющего себе пользователей Интернета посредством искусственного интеллекта и больших данных.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что анализ цифровой трансформации государственного управления осуществляется с позиций технологического детерминизма: информационные технологии понимаются как универсальные, деконтекстуализированные и самогенерирующиеся. Несмотря на отдельные попытки применить в данной сфере акторно-сетевую теорию, SCOT и теорию социотехнического воображаемого, детерминистский подход продолжает доминировать. Меняется только знак: оптимизм сменяется пессимизмом, однако трансформация неизменно понимается как кардинальный разрыв с прошлым.

Трекин М.В. (Краснодар, КубГУ)

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ

Одним из факторов, обеспечивающего эффективность информационно-коммуникационного взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровня, а также органов местного самоуправления и граждан является механизм его правового регулирования. Информатизация коснулась всех уровней публичной власти и имеет объективные причины. Общество активно использует цифровые технологии в личных и профессиональных целях и ожидает от органов власти удобного и доступного взаимодействия с помощью аналогичных инструментов. Новым вызовом для российской публичной власти стало взаимодействие с гражданином в социальных сетях. В настоящее время в российском законодательстве не предусмотрены правовые основы, регламентирующие присутствие государственных органов власти России и органов местного самоуправления в онлайн социальных сетях. Потребность разработки концепции нормативно-правового регулирования в сфере социально- сетевого взаимодействия органов власти и населения на основе принципов Конституции РФ отмечал Зотов В.В.²⁰⁷

Анализ российского законодательства в сфере электронного взаимодействия «публичная власть-гражданин» и практики его применения позволяет предположить, что наиболее полно урегулировано предоставление государственных и муниципальных услуг. (Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»).

207. Зотов В.В. К необходимости разработки концепции нормативно-правового регулирования социально-сетевого пространства публичных коммуникаций на муниципальном уровне / В.В. Зотов // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. N 1. С. 12 - 14.